
ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК: КОНЦЕПЦИЯ П. БЕРГЕРА И Т. ЛУКМАНА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНОГО ОБЩЕСТВА

Е.Д. Осипова

Кафедра социологии

Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

Представленная статья посвящена теории конструирования реальности Питера Бергера и Тома-са Лукмана в контексте трансформации социальных практик общества риска. Согласно указанной концепции повседневность является основой социальной реальности, которая, в свою очередь, трактуется авторами как результат процесса взаимодействия людей. В статье подробно анализируются основополагающие механизмы конструирования социальной реальности, институционализации и легитимации, что позволяет, вслед за известными социологами, утверждать, что повседневность представляет собой базис социального мира. Однако, анализируя повседневные практики, можно сделать вывод об изменении привычных образцов поведения и формировании новых типов действия в ситуации нестабильного и непредсказуемого кризисного общества. Указанной проблеме в статье уделяется особое внимание. В современном мире привычная рациональная логика, которой человек традиционно руководствовался в обыденной жизни, организуя с помощью нее свое поведение, больше не выполняет возложенные функции. В результате развивается особый тип общественного сознания, получивший название катастрофического мышления. Основываясь на данных социологических исследований, в статье рассматривается в качестве наиболее ярких примеров трансформации социальных практик и развития нового типа рациональной логики изменение отношения к здоровью, а также возрождение интереса к составлению завещаний в современном мире.

Ключевые слова: социальный институт; социальная практика; кризисное общество; повседневность; трансформация; адаптация; конструирование социальной реальности; рациональная логика.

Наш мир нестабилен и непредсказуем, эта мысль давно разделяется научным сообществом и, кажется, вполне укоренилась в общественном сознании. Однако помимо перечисленных свойств повседневность характеризуется еще одним важным признаком. В современных условиях привычная рациональная логика, которой человек руководствовался в своей обыденной жизни, в условиях общества риска больше не выполняет свои функции. В таких реалиях формируется особый тип сознания — катастрофическое мышление.

Состояние постоянной угрозы и предчувствие негативных событий, характерное для сегодняшней реальности, приводит к кардинальной трансформации повседневных практик во всех сферах жизни. Так, в кризисном обществе полностью меняется структура потребления и характер развлечений, трансформируется отношение к здоровью и страхованию жизни, происходит пересмотр основных социальных ценностей. Однако зафиксировать коренное изменение сознания и тем более описать его подробно довольно сложно, если не сказать невозможно. Повседневная реальность предельно разнообразна и многогранна, она в самом прямом

смысле у каждого своя собственная и отличается в зависимости от образа жизни человека, его социального статуса, профессии, возраста, привычек и места жительства. В связи с этим в качестве критериев, позволяющих с определенностью постулировать изменение повседневных практик в условиях кризисного общества, необходимо выделить наиболее яркие феномены бесконечно широкого мира повседневности, трансформация которых при подробном изучении становится наиболее очевидной.

Руководствуясь обозначенной логикой, в качестве теоретической основы для изучения данной проблематики была выбрана работа П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности», в которой мир повседневности трактуется как определяющая социальная практика. Именно на основе указанной социологической теории в данной статье строится анализ трансформации повседневных практик в ситуации кризисного социума.

Согласно теории Бергера и Лукмана о конструировании реальности общество создается людьми в процессе социального взаимодействия и представляет собой результат опредмеченной человеческой деятельности. Другими словами, социум — это некий запас социального знания, его результирующая, формирующаяся в ходе деятельности индивидов и выражающаяся в накоплении информации об окружающем мире и ее передаче от поколения к поколению. Данный процесс становится возможен благодаря языку и коммуникации, с помощью которых информация накапливается, усваивается и транслируется, а также благодаря существованию социальных институтов, выступающих гарантами социального порядка и стабильности, необходимых для непрерывности процесса [4. С. 74]. Специфический способ взаимодействия личности с окружающей действительностью, выражающийся в конструировании социальной реальности, отличает общество, по версии Бергера и Лукмана, от природной и животной среды.

Научный вклад Бергера и Лукмана заключается в смещении фокуса исследования. Восприятие общества в качестве фактической данности, существующей помимо воли человека и довлеющей над личностью, считавшийся спецификой социологического анализа со времен Э. Дюркгейма, заменяется диалектическим подходом, согласно которому социальная реальность создается благодаря взаимодействию субъективного и объективного знания. Это, в свою очередь, позволяет представить многие теоретические концепции, существовавшие в социологии до возникновения теории Бергера и Лукмана, с новой точки зрения и вписать их в общую картину социологического знания, создав общую стройную теорию, где идеи Э. Дюркгейма, М. Вебера, К. Маркса, К. Мангейма, А. Шюца и Т. Парсонса получают новую трактовку.

Благодаря теории Бергера и Лукмана удалось разрешить сразу две насущные социологические задачи: во-первых, устранялась давняя проблема «оторванности» теоретических знаний от реального мира, из-за которой социология часто критиковалась, так как теперь в центре внимания оказывалась самая «практическая» сторона реальности — повседневность. Во-вторых, авторами был предло-

жен синтез идей европейских и американских социологов, прежде всего феноменологической концепции общества, разработанной немецким мыслителем А. Шюцем, и теории социальных институтов американского социолога Т. Парсонса [10. С. 119].

Социальная реальность трактуется авторами как результат повседневного ежедневного процесса взаимодействия людей и разделяется на две равнозначные части: объективный и субъективный компонент [1]. Объективная сторона данного процесса заключается в существовании единого запаса знания, передающегося из поколения в поколение, и наличии социальных институтов, призванных данное объективное знание поддерживать, транслировать и сохранять. В ходе эволюционного развития общество превращается в реальность со своими законами, нормами и правилами, существующую объективно и во временном отношении намного дольше отдельно взятой человеческой жизни. Вследствие этого социум представляет собой уже сложившуюся реальность, и личности приходится считаться с его ценностями.

Таким образом, общество, согласно Бергеру и Лукману, — это продукт человеческой деятельности, представляющий собой совокупный запас знания, накапливаемого в процессе взаимодействия и реализуемого в виде социальных институтов, имеющих принудительную силу.

Субъективная сторона конструирования социальной реальности содержится в процессе социализации, в ходе которого личность не просто усваивает транслируемые знания, но и соотносит их со своими ценностями и установками в результате процесса интернализации. Таким образом, субъективность социального конструирования отражается в возможности каждого человека дополнять существующую реальность своим социальным опытом, тем самым внося собственный вклад.

Как же поддерживается в таком случае порядок и стабильность в обществе, если индивид, как мы выяснили, обладает способностью корректировать существующий социальный мир? На этот важный вопрос, затронутый еще Т. Гоббсом, Бергер и Лукман дают следующий ответ. Установление общественного порядка начинается с процесса хабиитуализации или «опривычивания» рутинных операций. В результате хабиитуализации человек, совершая каждый день одно и то же действие, не задумывается о том, как и почему он это делает, экономя в результате значительную часть энергии, сохраняя ее и направляя для инноваций [4. С. 111]. Если представить себе ситуацию, когда человеку каждый день приходится думать о том, как держать столовые приборы, какой дорогой быстрее всего добираться до работы или как пользоваться мобильным телефоном, можно заключить, что такая жизнь будет невероятно сложной. Повседневная деятельность потребует такого количества времени и сил, что уже просто не останется энергии на другие процессы. Следовательно, хабиитуализация имеет значение для поддержания стабильности социальной реальности, формируя образцы поведения и облегчая существование индивида в постоянно меняющейся действительности. Рутинные по-

ступки символизируют предсказуемость и упорядоченность поведения и создают основу для формирования социальных институтов, предшествуя им в социальном плане.

Однако статус социального института приобретает отнюдь не любое привычное действие, а только то, которое воспроизводится из поколения в поколение, то есть повторяется большим количеством людей на протяжении долгого периода времени и становится в результате этого объективным. С точки зрения социального конструктивизма социальный институт — это результат «взаимной типизации опривыченных действий деятелями разного рода». В результате социальные институты характеризуются объективностью и историчностью и превращаются в реальность, называемую Бергером и Лукманом «социальным миром». Так формируется «социальный мир вообще, в смысле всеобъемлющей и данной реальности, с которой индивид сталкивается наподобие реальности природного мира» [1].

Неотъемлемой чертой социального института является также анонимность, то есть отделение от индивидуального биографического опыта и трансформация его в опыт надындивидуальный, общедоступный. Достижение анонимности происходит благодаря существованию универсальной знаковой системы — языка, с помощью которого смысл социального института и выполняемая им в обществе функция транслируется в социуме. На протяжении многих веков интересубъективное значение закрепляется в памяти поколений, и социальный институт обретает легитимность. К слову, процесс легитимации в теории Бергера и Лукмана позволяет расширить институциональный порядок за рамки одного поколения. Легитимация, или объяснение смысла установленного порядка и его оправдание в глазах большей части населения, требуется, поскольку социальный мир наследуется в качестве традиции. Ее первоначальное значение может быть утеряно или не очевидно существующему поколению, тогда как именно в одобрении социального института обществом и понимании его необходимости заключается социальный порядок.

В процессе институционализации в трактовке Бергера и Лукмана можно выделить три стадии. В первую входит типизация деятельности членов социальной группы, которая выражается в существовании в социуме институтов, устанавливающих образцы поведения и нормы взаимодействия участников процесса. Вторая стадия получает название объективации и подразумевает закрепление типов деятельности во времени благодаря воспроизводству через поколения. Объединение социальных институтов в единый социальный мир происходит, с точки зрения Бергера и Лукмана, в результате процесса легитимации, который составляет третью стадию институционализации и представляет собой социальную рефлексию по поводу существования этих институтов в обществе и выполнения ими предписанных функций.

Подробный анализ основополагающих, в понимании представленных социологов, общественных явлений — конструирования социальной реальности, институционализации и легитимации — позволяет сделать вывод о том, что мир повсе-

дневности, как было представлено в работе Бергера и Лукмана, является определяющей социальной практикой. Изучая рутинные процессы, можно судить о структуре потребления и свободного времени, планировании и расходах, отношении в обществе к здоровью и жизни в целом, исследовать практики адаптации [2. С. 123] и т.д. В условиях кризисного социума, характерного для наших дней, происходит радикальное изменение повседневных практик, что может быть продемонстрировано на следующих примерах.

Рассмотрим для начала отношение к здоровью в современном мире. Социологи отмечают влияние на общий уровень самочувствия доминирующих представлений и ценностей, которые имеют социальную (или интересубъективную) природу. Интерес к данной теме с новой силой возник во второй половине XX в., когда в ходе исследований выяснилось, что основными причинами смертности в настоящее время являются не экзогенные (внешние), а эндогенные (внутренние) поведенческие причины [5]. В кризисном социуме произошла трансформация отношения к здоровью и радикализация некоторых практик.

В обществе в состоянии кризиса у человека отсутствует возможность прогнозировать будущее, увеличивается количество непрогнозируемых рисков, которые приводят в том числе к ухудшению общего уровня здоровья и росту заболеваний. Все большее количество детей рождается с врожденными заболеваниями из-за ухудшения экологии, а все попытки увеличить продолжительность жизни взрослого населения не увенчиваются успехом.

Расслоение в имущественном плане означает и неравенство в отношении здравоохранения. На сегодняшний день общее самочувствие граждан Российской Федерации снизилось до такого уровня, при котором можно говорить о существовании угрозы национального масштаба. В связи с этим проблема отношения к здоровью на уровне индивидуального и общественного сознания в обществе риска приобретает особое значение.

В настоящее время можно говорить о следующих противоположных тенденциях: современный человек либо чересчур озабочен своим здоровьем и обращается к врачу по самому малейшему поводу (так называемые ипохондрики), либо совершенно не обращает на себя внимания и считает профилактику заболеваний и ведение здорового образа жизни излишним. Таким образом, в рамках повседневных практик, касающихся здоровья, в условиях кризисного общества можно зафиксировать иррациональность в поведении, выражающуюся в наличии в обществе радикальных тенденций. «Культурная травма», по определению Петра Штомпки [15. С. 12], связанная с быстрыми социальными изменениями современного мира и отсутствием возможности прогнозировать будущее, отражается и на показателях общественного здоровья. В современном мире произошло коренное изменение структуры заболеваемости населения: инфекционные болезни уступили место хроническим неинфекционным заболеваниям, в первую очередь сердечно-сосудистым и онкологическим. Таким образом, в наше время можно говорить о факторах риска кризисного общества и о специфических «болезнях цивилизации».

Помимо этого, социальные изменения в структуре здравоохранения, связанные с сокращением бесплатных услуг и увеличением платных клиник, заставили большую часть населения взять ответственность за собственное здоровье на себя и больше не полагаться на помощь государства, что также, в свою очередь, вызывает изменение социальных практик. При этом в отсутствие государственной идеологии здорового образа жизни увеличиваются негативные тенденции, связанные с ростом алкоголизма, табакокурения, наркомании. Население оказалось не готовым реагировать на изменившиеся социальные реалии общества, что выразилось в стремлении «уйти от действительности» с помощью психотропных средств, разрушающих здоровье, но дающих временное и, конечно, призрачное, решение существующих проблем.

Учитывая представленные факты, можно говорить о том, что отношение к здоровью в кризисном социуме является показателем изменения традиционных социальных практик и свидетельствует о трансформации логики рационального поведения. В современном мире в общественном сознании преобладает предчувствие катастрофы, ощущение неизбежного неблагоприятного развития событий и, главное, бессмысленности сопротивления, что непременно отражается на отношении человека к себе, своему здоровью и на ценности жизни в общем. Поведение человека во многих обыденных сферах жизни, в том числе и в плане отношения к здоровью, становится иррациональным.

В результате объективный цивилизационный процесс, с одной стороны, расширяет возможности личности, а, с другой, негативно влияет на здоровье и психическое состояние, разрушая традиционную рациональность. Антисоциальные формы поведения, такие как алкоголизм, наркомания, преступность, являются сознательной или, чаще всего, бессознательной попыткой отгородиться от нестабильности и непредсказуемости кризисного общества и «освободиться», абстрагироваться от существующего общественного порядка.

Наряду с отношением к здоровью еще одним маркером изменения традиционных образцов повседневности становится трансформация практики составления завещания. Еще в прошлом веке, например, невозможно было представить, чтобы состоятельный человек, обладающий имуществом, не позаботился бы о его наследовании заранее и не составил бы завещание, в котором подробно описывалось, что и кому из многочисленных родственников достанется. Написание завещания часто в довольно молодом возрасте считалось обоснованным и рациональным действием, так как таким образом устранялись междоусобная борьба между кланами. В эпоху, когда невозможно было противостоять болезням вследствие слабого развития медицины, составление завещания выступало основным гарантом безопасности членов семьи и средством, придающим стабильность и предсказуемость будущему.

В нашем обществе составление завещания еще недавно не являлось общепринятой практикой и даже часто воспринималось настороженно как признак недоверия к своим родственникам или как попытка «наказать» их, изменив правила

наследования. Подобное отношение к указанной социальной практике можно объяснить тем, что в нестабильном российском обществе было не принято задумываться о далеком будущем и планировать свою жизнь так надолго вперед. Человек жил сегодняшним днем и не строил далеко идущих планов.

Однако с течением времени в условиях кризисного общества происходит трансформация рассматриваемой социальной практики. Институт завещания, характерный в большей степени для стран Запада, постепенно укореняется и в России. В результате социологического исследования, проведенного в феврале 2014 г. Фондом «Общественное мнение», выяснилось, что половина респондентов (49%) уверены, что завещания сейчас пишутся чаще, чем лет 30 назад, в советскую эпоху [5]. Кроме того, россияне относятся к этому процессу положительно: 81% считают, что рост числа завещаний представляет собой позитивное явление, и лишь 5% высказывают мнение, что данный тренд является негативным (прочие респонденты с оценкой затрудняются). Только 4% опрошенных заявляют, причем по преимуществу с сожалением, что завещания стали писать реже.

Намерение когда-либо написать завещание высказывают 34% респондентов, никогда не собирающихся делать этого — вдвое меньше: 17%, а 8% — уже написали. Ниже в таблице представлено распределение мнений по возрастным когортам (табл. 1).

Таблица 1

Распределение мнений о составлении завещаний по возрастным когортам

Варианты ответов	Население в целом	Возраст, лет			
		18—30	31—45	46—60	старше 60
Как вы думаете, лично вы когда-нибудь напишете завещание или никогда не будете его писать? Или вы уже написали завещание?					
Написал(-а) завещание	8	2	4	6	24
Напишу	34	32	37	40	28
Не напишу	17	6	17	22	25
Затрудняюсь ответить	40	60	41	33	24

Интересно отметить, что молодежь чаще выражает желание когда-нибудь в своей жизни составить завещание, чем не делать этого никогда. Это свидетельствует о трансформации традиционных практик постсоветского поколения и обретении данной социальной практикой статуса если не общепринятой нормы (в этом случае большинство молодых людей не затруднялось бы с ответом), то, по крайней мере, поведения, вполне «естественного» и скорее одобряемого в обществе.

В ходе исследования также задавался вопрос о том, какая категория населения чаще пишет завещания. Были озвучены следующие варианты: 28% опрошенных говорили о старости («кто постарше», «старенькие, пенсионеры»), 26% — о достатке («богатые», «обеспеченные», «состоятельные», «средний класс»).

Выясняется, однако, что хотя намерение писать завещание действительно чаще склонны выразить люди относительно обеспеченные, на практике их чаще пишут бедные (табл. 2).

Таблица 2

Намерение написать завещание и материальное положение семьи

Варианты ответов	Население в целом	Материальное положение семьи				
		денег не хватает на питание	на питание хватает, на одежду — нет	на одежду хватает, на крупную бытовую технику — нет	на бытовую технику хватает, на автомобиль — нет	на автомобиль хватает
Как вы думаете, лично вы когда-нибудь напишете завещания или никогда не будете его писать? Или вы уже написали завещание?						
Написал(-а) завещание	8	15	11	9	5	2
Напишу	34	27	34	31	38	54
Не напишу	17	23	23	16	14	14
Затрудняюсь ответить	40	35	32	44	43	30

Причиной этому можно назвать тот факт, что завещания пишут в основном пожилые люди, а старость и обеспеченность в России, как известно, сочетаются крайне редко. Наблюдаемое положение вещей, при котором люди, с трудом находящие деньги на питание, пишут завещания в 7 раз чаще тех, кто может позволить себе, например, автомобиль, является маркером, характеризующим и само российское общество, и специфику функционирования института завещания в нашей стране [5].

В результате опроса ФОМа также выяснилось, что россияне склонны считать, что завещания скорее предотвращают раздоры между наследниками, чем провоцируют их, хотя и противоположное мнение распространено довольно широко. По мнению 23% респондентов, конфликты из-за наследства чаще возникают при наличии завещания, по мнению 49% — в его отсутствие. Впрочем, такая поляризация мнений относительно свободы воли завещателя совершенно не мешает, а, возможно, даже способствует укоренению институту завещания в российской социальной реальности.

Таким образом, на основе представленных данных можно сделать вывод о том, что в современном российском обществе на повседневные практики в значительной мере влияют социальные изменения того или иного рода. При этом обсуждаемая в статье теория Бергера и Лукмана, безусловно, имеет свои ограничения и пределы использования.

Указанная концепция безусловна только для ситуации «символического универсума», где абсолютно все индивиды являются носителями одного и того же типа сознания, благодаря чему все явления интерпретируются сходным образом и получают одинаковую оценку [7]. В ситуации кризисного общества данный подход нуждается в существенной корректировке.

В условиях современной социальной реальности происходит трансформация привычных практик и, следовательно, требуется разработка нового комплексного подхода в изучении любой проблемы. Проанализированное изменение отношения к здоровью, например, показывает, что технократическая цивилизация предлагает мировоззренческие установки, в которых разорвана связь между человеком и природой. В связи с этим возникает социальная потребность в выработке нового мировоззрения, в котором эта связь была бы восстановлена и одновременно соответствовала реальности. Именно поэтому здоровье занимает все более высокое место в шкале ценностей современного человека. То же самое касается и рассмотренной практики написания завещаний. Чем более непредсказуемой становится окружающая реальность, тем больше человек хочет обезопасить себя от непредвиденных обстоятельств и тем больше людей предпочитают написать завещание.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. URL: http://skedpic.ru/wp-content/uploads/2012/11/0458680_BCA67_piter_berger_lukman_t_socialnoe_konstruirovanie_realnosti_tr.pdf.
- [2] Бронзино Л.Ю., Вольчина А.Е. Адаптация студентов к университетской среде: опыт социально-феноменологического исследования // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2012. № 4.
- [3] Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.
- [4] Гидденс Э. Устроение общества: Очерки теории структуриации. М.: Академический проект, 2003.
- [5] Завещания: от экзотики — к норме? URL: <http://fom.ru/posts/11347>.
- [6] Ковалевская А.Ф. Формирование ценностного отношения к здоровью человека // Проблемы современной экономики. 2007. № 1.
- [7] Королев С.А. Повседневность как эманация социальности: трансформации и тренды. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_709.html.
- [8] Леухина Л.Е. Обыденность в условиях трансформации общественной жизни // Вестник Чувашского университета. 2011. № 2.
- [9] Марков Б.В. Понятие повседневности в гносеологии и антропологии // Научная рациональность и структуры повседневности. СПб.: СПбГУ, 1999.
- [10] Мещерякова Л.Ю. Феноменологическая социология Альфреда Шюца: теоретические предпосылки и основные идеи // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2002. № 1.
- [11] Найдьши О.В. «Жизненный мир» и обыденное сознание // Вестник РУДН. Серия «Философия». 2011. № 1.
- [12] Островская-мл. Е.А. Концепции институционализации в германской теоретической социологии второй половины XX века // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2003. № 1.
- [13] Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. URL: http://socioline.ru/files/5/165/shchyutc_smyslovaya-struktura-povsedevnosti.pdf.
- [14] Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.
- [15] Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3—12.

SOCIAL PRACTICES TRANSFORMATION: PETER BERGER'S AND THOMAS LUCKMANN'S THEORY IN CRISIS SOCIETY

E.D. Osipova

Sociology Chair
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to Peter Berger's and Thomas Luckmann's theory of the construction of reality in the context of social practices transformation in the risk society. According to this theory, daily routine appears to be the basis of social reality that is interpreted as the result of the interaction processes. The article considers the fundamental procedures of the social reality construction — institutionalization and legitimation; such an analysis proves the famous sociologists idea that the daily routine is the foundation of social world. However, while analyzing daily routine practices we can see that the habitual behavior patterns are changing and new types of action are developing in the situation of the unstable and unpredictable crisis society. In the contemporary world, the habitual rational logic that we traditionally followed in everyday life to organize our behavior does not fulfill its functions. As a result, a special type of social consciences named catastrophic thinking is developing. Referring to the data of sociological studies the article considers the most striking examples of the social practices transformation and the new type of rational logic development, such as the changing attitudes to the health and the reviving interest to making a will in the contemporary world.

Key words: social institution; social practice; crisis society; daily routine; transformation; adaptation; construction of social reality; rational logic.

REFERENCES

- [1] *Berger P., Lukman T.* Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. [The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge]. URL: http://skepdic.ru/wp-content/uploads/2012/11/0458680_BCA67_piter_berger_lukman_t_socialnoe_konstruirovaniye_realnosti_tr.pdf.
- [2] *Bronzino L. Yu., Vol'china A.E.* Adaptatsiya studentov k universitetskoj srede: opyt social'no-fenomenologicheskogo issledovaniya [The adaptation of students to the university milieu: A social-phenomenological analysis]. *Vestnik RUDN. Seriya "Sociologiya"*. 2012. № 4.
- [3] *Bourdieu P.* Sociologiya social'nogo prostranstva [Sociology of Social Space]. SPb., 2005.
- [4] *Giddens E.* Ustroenie obshchestva: ocherki teorii strukturacii [The Construction of Society: Outline of the Theory of Structuration]. M., 2003.
- [5] *Zaveshchaniye: ot ekzotiki — k norme?* [Testament: From exotica to the norm]. URL: <http://fom.ru/posts/11347>.
- [6] *Kovalevskaya A.F.* Formirovaniye celostnogo otnosheniya k zdorov'yu cheloveka [Development of the integral health behavior]. *Problemy' sovremennoj ekonomiki*. 2007. № 1.
- [7] *Korolev S.A.* Povsednevnost' kak emanatsiya social'nosti: transformacii trendy [Routine as an emanation of sociality: Transformation trends]. URL: http://e-notabene.ru/fr/article_709.html.
- [8] *Leuxina L.E.* Oby'dennost' v usloviyakh transformacii obshchestvennoi zhizni [Routine under the transformations of public life]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2011. № 2.
- [9] *Markov B.V.* Ponyatiye povsednevnosti v gnoseologii i antropologii [The concept of routine in epistemology and anthropology]. *Nauchnaya racional'nost' i struktury' povsednevnosti*. SPb., 1999.
- [10] *Meshheryakova L.Yu.* Fenomenologicheskaya sociologiya Alfreda *Schutza*: teoreticheskie predposylki i osnovny'e idei [Phenomenological sociology of Alfred *Schutz*: Theoretical backgrounds and basic ideas]. *Vestnik RUDN. Seriya "Sociologiya"*. 2002. № 1.

- [11] *Naydysh O.V.* “Zhyznennyi mir” i obydennoe soznanie. [“Life-world” and an ordinary consciousness]. Vestnik RUDN. Seriya “Filosofiya”. 2011. № 1.
- [12] *Ostrovskaya-m. E.A.* Konceptii institucionalizacii v germanskoj teoreticheskoj sociologii vtoroi poloviny’ XX veka [The institutionalization conceptions in the German theoretical sociology in the second half of the XXth century]. Vestnik RUDN. Seriya “Sociologiya”. 2003. № 1.
- [13] *Schutz A.* Smy’slovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoj sociologii [Conceptual Structure of the Life-World: Essay on Phenomenological Sociology]. URL: http://socioline.ru/files/5/165/shchyutc_smyslovaya-struktura-povsedevnosti.pdf.
- [14] *Sztompka P.* Sociologiya social’ny’x izmenenij [Sociology of Social Changes]. M., 1996.
- [15] *Sztompka P.* Kul’turnaya travma v postkommunisticheskom obshhestve [Cultural trauma in the post-communist societies]. Sociologicheskie issledovaniya. 2003. № 2.